

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ

1-го мая 1864 г.

1-го мая 1864 г. бывший военный министръ, Д. А. Милютинъ (нынѣ графъ), призвалъ меня и, отдавая довольно большую записку, присланную къ нему генер.-губерн. Северо-западныхъ губерній, ген.-ад. В. И. Назимовымъ, объявилъ вмѣстѣ съ нимъ высочайшее повелѣніе: показать эту записку М. Н. Муравьеву. Тутъ-же я узналъ, что въ сей день состоялся приказъ о назначеніи Михаила Николаевича въ Вильну.

Дмигрій Алексѣевичъ прочелъ мнѣ записку Назимова; крайне добродушный, до простосердечности, Владиміръ Пвановичъ подписалъ весьма странную бумагу: описывая хаотическое состояніе ввѣреннаго ему края, онъ указывалъ на настоятельную необходимость — особенно внимательно относиться къ мѣстному римско-католическому духовенству, такъ какъ оно имѣетъ весьма сильное вліяніе на крестьянъ; а потому въ особенности ксендзовъ, по мнѣнію Назимова, не должно вооружать и озлоблять противу правительства.

Я отправился къ Муравьеву. Тотъ внимательно прочелъ, затѣмъ вновь перечелъ эту бумагу — и задумался. Невольно подвинулся я, что Михаилъ Николаевичъ задумался надъ такой, прямо сказать, нелѣпой бумагой: предлагаю отъ чуть ни занесивать у враждебнаго Россіи духовенства, у нашихъ злѣйшихъ (въ то возбужденное время) враговъ.

— „Да, это дѣло серьезное, — сказалъ Муравьевъ: надо подумать. (Сомолачавъ): знаете-ли: во всякомъ дѣлѣ самое трудное это начало. Настоящая записка Назимова является какъ нелзя болѣе кстати: она вполне развязываетъ мнѣ руки. Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать: первое, что я сдѣлаю по пріѣздѣ въ Вильну, — это разстрѣлю ксендза“, — заключилъ Михаилъ Николаевичъ своимъ обычнымъ мягкимъ голосомъ.

М. Н. Муравьевъ отправился въ Вильну: въ первую же недѣлю разстрѣляны были имъ на торговои площади два ксендза. (См. Записки гр. М. Н. Муравьева, въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXVI, ноябрь, стр. 407).

Ф*.

15 го іюня 1883 г.

Стихъ на воспоминаніе о смерти

(Записанъ 1879 года декабря 5-го, со словъ крестьянина Андрея Степнова, въ деревнѣ Булдаковъ, Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губ.).

Ахъ, увы — бѣда!
Приходитъ чреда, —
Не вѣмъ когда
Возмутъ куда?
Боюся страшнаго суда
И гдѣ явлюся тогда?

К 111 1318983

Плоть бо моя немощна,
 А душа весьма грѣшна!
 Ты же, смерти, безобразна и страшна
 И скоро ко мнѣ спѣшишь.
 Скрыта бо твоя труба и коса,
 Ибо ты ходишь нага и боса.
 О, смерти! Нѣтъ отъ тебѣ обороны,
 Яко отъемлещи и у царей короны!
 Со архирей и бояры о часѣхъ пренія не пмѣешь,
 Пришедъ къ нимъ,—долго не медлишь...
 Не чуеши на себѣ много казеннаго оружія носити,
 Имъ-же всячески умѣеши прекрасныя цвѣты косити.
 Знаю бо тя, что ты суха и худа,
 А бѣжать—не вѣмъ куда?
 Часы твои, смерти, быстрѣе крылей орлиныхъ и перпатыхъ,
 Яко смѣло и безъ доклада ходишь въ царскія полаты.
 Я думаю, что ты на западѣ ходишь
 А скоро и къ востоку приходишь!
 А сѣверъ очесы своими назираешь
 И уже скоро и югъ достигаешь...
 Всю вселенную объемишь
 И ни отъ кого гостинцу не приемишь!
 Скоро хочешь душу взяти
 На страшный судъ огдати.
 О, люто мнѣ будетъ:
 Како Богу отвѣтъ дати?
 Подобаеть это всякому христіанину помнитъ
 И знати—како Богу отвѣтъ огдати?..
 О, человекѣ, внимай,
 А смертный часъ никогда не забывай!
 А кто о смерти не помятуеть,—
 Того мука не мпнуеть.

Примѣчаніе. Такъ какъ «стихи духовныя» входятъ въ программу
 «Русской Старины», то нахожу возможнымъ сообщить и вышенаписанный
 стихъ.

Сообщ. А. Е. Мерцаловъ.